

DOI 10.23683/2415-8852-2018-3-172-182

УДК 82

НОВЫЕ КНИГИ О ДИСТОПИИ

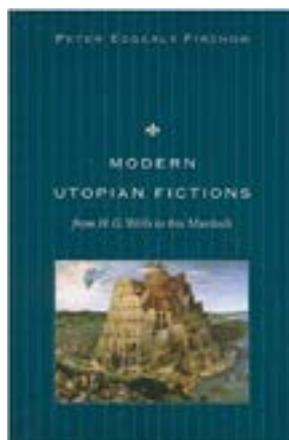
Анна Александровна Бондарева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: bondareva-anna@yandex.ru

Аннотация. Обзор охватывает три англоязычные монографии, посвященные исследованию литературных дистопий: Clayes, G. “Dystopia. A Natural History » (2017); Firchow, P.E. “Modern Utopian Fictions from H.G. Wells to Iris Murdoch” (2011); Kuźnicki, Sł. “Margaret Atwood’s Dystopian Fiction: Fire is Being Eaten” (2017). В статье рассматриваются основные идеи авторов, их подход к определению жанра дистопии и интерпретации отдельных художественных произведений. Особую роль играет изучение связи дистопических обществ с тоталитарными режимами XX в. Анализ монографий предваряется кратким описанием генезиса жанра дистопии и причин активного обращения к нему литераторов конца XIX – начала XXI вв.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, дистопия, литературный жанр, тоталитаризм, Gregory Clays, Peter Edgerly Firchow, Sławomir Kuźnicki.

Утопия, как отражение «благородных чаяний человека о лучшем мире» [Мах, Negley: 108]¹, имеет весьма длительную историю – еще в IV в. до н.э. Платон в диалоге «Государство» описывает модель идеального общественного устройства, которая строится на принципах равенства и примата общего блага над частными интересами. Разнообразные воплощения мифологемы Золотого века в культуре, от вариаций на отдельные идеи античных философов до эсхатологических ожиданий миллиаристов, привели к возникновению в эпоху Нового времени полноценной жанровой формы, первым образцом которой считают «Утопию» Томаса Мора (1516) [Мее: 536].

Истоки антиутопий видят еще в античности, когда Аристофаном была создана комедия «Женщины в народном собрании». Однако наиболее активно жанр начал развиваться на рубеже XIX–XX вв., когда полемика в отношении концепций идеальных миров перешла в предостережения [Воробьева]. Переориентации во многом способствовали тревожная политическая обстановка, предшествовавшая событиям Первой мировой войны: разочарование в техническом прогрессе и социальных институтах привело

к тому, что оптимистичные утопии уступили место мрачным настроениям утопий негативных [Шишкина: 200–201].

Появление в XX в. большого числа антиутопических произведений во многом связано и с попытками целых государств воплотить в жизнь идеи утопического социализма, которые привели к возникновению тоталитарных режимов. Именно вопросам политической дистопии² посвящена монография **Грегори Клееса “Dystopia. A Natural History”**, вышедшая в 2017 г. в издательстве “Oxford University Press”.

Г. Клеес – специалист по истории политической мысли, а потому дистопия интересует его в первую очередь как «неудавшаяся утопия», режим, при котором принуждение, порабощение и неравенство были доведены до предела. Именно “totalitarian political dystopia”, по мнению автора, является наиболее интересным материалом для исторической науки, т.к. связана с полным крушением утопических надежд.

Дистопия может существовать в двух формах: когда давление оказывается на большую часть населения (internal type) или когда оно применяется по отношению к аутсайдерам, чтобы поддержать остальное общество,

¹ Здесь и далее, кроме отдельно оговоренных случаев, перевод наш. – А.Б.

² На сегодняшний день в литературоведении нет однозначного подхода к разграничению понятий «антиутопия», «дистопия» и «какотопия». Чтобы избежать путаницы, мы в своем обзоре будем использовать термины, употребляемые авторами монографий, предварительно пояснив, что каждый из исследователей вкладывает в то или иное понятие.

свободное от этих репрессий (external type). К первому типу Клеес относит сталинизм, ко второму – общество, представленное в «Утопии» Томаса Мора. В обоих случаях благополучие одной группы достигается за счет другой. Главный же вопрос заключается в том, сколько людей находятся по обе стороны.

В первой главе монографии, которая целиком посвящена психологии масс и их анализу с точки зрения социологии, автором вводятся три термина, которые в дальнейшем помогают анализировать конкретные примеры тоталитарных режимов: под «социогермофобией» (sociogermophobia) понимается параноидальное стремление к чистоте общества и демонизация «чужих»; «секулярный милленаризм» (secular millenarianism) связан со стремлением к обновлению человеческой личности, уничтожению всего того, что мешает равенству и справедливости; третий термин – «эгаломания» (egalomania) – отражает навязчивое стремление к унификации, которой пытаются достичь в том числе и через самоотречение.

Помимо масс, автор исследует феномен «плохих мест» (именно так можно буквально перевести слово “dystopia” с древнегреческого языка) и их обитателей. Особую роль здесь, по мнению Клееса, играет образ христианского дьявола, который активно использовался во время охоты на ведьм, гонений на еретиков и евреев.

Таким образом, разобрав теоретические аспекты и предысторию дистопии, Г. Клеес переходит непосредственно к анализу примеров тоталитаризма: Французской революции и деятельности якобинцев, большевистскому террору и системе ГУЛАГа, нацистской Германии, китайской культурной революции и культу Мао, режиму Пол Пота в Камбодже. Также упоминается КНДР, однако ей посвящен совсем небольшой фрагмент, так как полноценный анализ невозможно провести ввиду отсутствия достоверной информации.

Эта часть монографии будет представлять больший интерес, скорее, для историков и политологов, чем филологов, так как подробно описывает ключевые этапы становления идеологии тоталитарных режимов и механизм репрессий. Отметим, что разнообразный фактографический материал, собранный автором, весьма объемен и представлен детально. Однако наиболее впечатляюще смелые интерпретации отдельных исторических сюжетов. Так, деятельность красных кхмеров связывается Клеесом с фрейдистской идеей коллективного невроза и является чуть ли не первым автогеноцидом в мировой истории.

Третья, заключительная глава целиком посвящена литературной дистопии. Около 150 текстов приводятся хронологически и сопровождаются кратким комментарием. В перечень вошли тексты, связанные с описанием тоталитарных систем, постапокалиптических обществ, достижений евгени-

ки, научно-технического прогресса, а также с вопросами феминизма. Произведения, приведенные в этой части, принадлежат преимущественно британским и американским авторам, хотя встречаются и исключения – например, русский роман Е. Замятина «Мы». Особое внимание уделяется широко известным и популярным текстам Оруэлла «Скотный двор» и «1984», а также хрестоматийному роману Хаксли «О дивный новый мир».

Стоит отметить, что Клеес-историк и здесь остается верен себе: его внимание больше привлекают аспекты социального и политического устройства, идеологические и ценностные установки, разделяемые членами изображаемых обществ. Однако есть несколько причин, по которым, на наш взгляд, монография “Dystopia. A Natural History” будет интересна именно литературоведам.

Во-первых, каталог произведений может послужить ценным источником для дальнейших исследований жанра, так как включает большое число малоизвестных и редких текстов, написанных в период с XVII по XXI вв. Если принять во внимание тот факт, что приводятся они в хронологическом порядке, то монография может превратиться в источник вдохновения для исследователей, которых интересует генезис антиутопии и ее традиция в диахроническом аспекте.

Во-вторых, изучение работы Г. Клееса может оказаться полезным с точки зрения теории. Даже поверхностное изучение академи-

ческой литературы показывает, что в одной только русскоязычной традиции существует множество подходов к определению и классификации антиутопий: кто-то использует понятия «дистопия», «антиутопия» и «кактопия» как синонимы [Мартынова], а, например, М.И. Шадурский рассматривает их как субжанровые разновидности утопии, которые различаются в зависимости от того, есть ли в тексте элементы псевдокарнавала, жизнеподобное описание плохого государства или мотивы катастрофы [Шадурский]. Аналогичная неопределенность присутствует и в работах англоязычных исследователей, хотя более распространенным термином все же является “dystopia”.

Кроме того, монография дает комплексное представление о функционировании отдельных тоталитарных государств. Экстралитературные явления в области политики и общественной жизни зачастую служат катализатором развития определенных тем и жанров литературы и поэтому могут служить ключом для интерпретации текстов.

Иной подход к жанру предлагает Питер Эджерли Ферчоу. В монографии “**Modern Utopian Fictions from H.G. Wells to Iris Murdoch**” автор подчеркивает, что изучение любой утопии всегда ведется на стыке литературоведения и общественных наук. Под последними он подразумевает социологию и политологию, а не историю – «искусство, к которому иногда относятся как к науке» [Firchow: xi].

Утопию и дистопию в литературе (термины «дистопия», «антиутопия» и «какотопия» употребляются как синонимичные) Ферчоу рассматривает как своего рода эксперимент, цель которого проверить человеческую природу. Является ли она, как считал Руссо, изначально благородной или, напротив, чревата злом и без должного контроля способна продемонстрировать деструктивные импульсы, агрессию и стремление к власти, что и произошло с героями романа У. Голдинга «Повелитель мух». Ограниченный локус острова, где оказываются главные герои, становится лабораторией, и результаты, к которым приходит Голдинг, кажутся неутешительными.

В утопии и антиутопии интеллектуальная составляющая доминирует над эмоциональной, и это, по мнению автора, заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к историческому и социологическому анализу в ущерб оценке чисто литературных качеств произведения.

В подтверждение своей мысли Ферчоу приводит роман Г. Уэллса «Машина времени». Спустя сто лет после первой публикации он вызывает интерес именно с художественной точки зрения, в то время как идея путешествий во времени, математический жаргон и тема четырех измерений отошли на второй план: «*Искусство*, как сказал бы Гораций, живи он в наше время, по-прежнему *вечно*, а вот жизнь *технологий* определенно оказалась *коротка*» [там же: 11].

Анализ «Машины времени» Г. Уэллса становится темой первой главы. История путешественника во времени, который оказался в далеком будущем, рассматривается Ферчоу в психоаналитическом ключе. Выживание главного героя напрямую зависит от его способности понять, что на самом деле происходит в мире эллов и морлоков. Одни боятся темноты, другие в ней обитают, и оба этих вида находятся в состоянии борьбы, которая напоминает фрейдистскую теорию о противостоянии Id и Ego. Несколько глубоких колодцев, которые замечает главный герой (“certain circular wells, several, as it seemed to me, of very great depth” [там же: 24]), могут натолкнуть на мысль, что речь идет не только об исследовании главным героем незнакомого мира, но и погружении самого Уэллса в глубины собственного бессознательного. Новаторство Уэллса Ферчоу видит в том, что писатель первым указал на стагнацию, которая неминуемо следует за утопией. Истоки этой идеи коренятся в дарвинистской теории, которая хорошо была известна автору романа: постоянная борьба приводит к тому, что выживает сильнейший, но, если борьба прекращается и сильнейший оказывается помещен в благоприятные условия, он со временем деградирует. Утопия же обычно представляется как некое идеальное состояние, как стасис, т. е. полная остановка развития.

Кроме «Машины времени» и «Повелителя мух» в монографии анализируются «1984» и «Скотный двор» Дж. Оруэлла, «Колокол» Айрис Мердок, однако принципиально новых трактовок не предлагается.

Несмотря на то что Ферчоу в самом начале своей монографии обещает анализ и интерпретацию художественных особенностей утопий и дистопий, ему не удается до конца следовать этой установке. Третья глава практически полностью посвящена концепции конца истории в контексте романа «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли: на протяжении почти трех десятков страниц автор монографии сопоставляет идеи Г.В. Гегеля и Ф. Фукуямы.

Отход от первоначальной установки – это не единственный вопрос, который может возникнуть у читателя в процессе ознакомления с монографией. Так, например, не совсем понятен принцип отбора произведений (вторая глава, к примеру, обращена к пьесе Б. Шоу «Майор Барбара» и анализу ее системы персонажей), автор не всегда поясняет, почему та или иная деталь привлекает его внимание, и уклоняется от комментирования. В целом общая композиция работы не позволяет говорить о замысле книги как связной концепции и представляется весьма вольной подборкой авторских эссе на тему.

Если Ферчоу предлагал сосредоточиться на художественных достоинствах утопий и отойти от вопросов ее связей с историче-

ским контекстом, то **Славомира Кужницки** (Sławomir Kuźnicki), напротив, интересуют политика, этика и историческая динамика. В монографии **“Margaret Atwood’s Dystopian Fiction: Fire is Being Eaten”**, вышедшей в 2017 г. в издательстве “Cambridge Scholars Publishing”, он прослеживает связь романов Маргарет Этвуд с трактовкой вопросов морали и отдельными интеллектуальными и историческими событиями. Учитывая специфику творчества канадской писательницы, этот ракурс исследования представляется наиболее удачным для понимания ее работ.

Русскоязычной аудитории Этвуд известна, в первую очередь, как автор романа «Рассказ служанки» (“The Handmaid’s Tale”), который был впервые опубликован в 1985 г. Работа получила положительные оценки критиков и только прочнее закрепила за Этвуд статус значимой фигуры в англоязычной литературе XX в. [Green: 14–15]. Волну нового интереса к ее творчеству вызвала экранизация романа режиссером Брюсом Миллером в 2017 г. Проблемы и темы, которые затрагивались Этвуд, оказались весьма актуальны после смены в 2016 г. политической власти в США, что широко обсуждалось на страницах англоязычных изданий (см., например: [Lawler; Armstrong]).

Действие «Рассказа служанки» разворачивается в 2005 г. В Новой Англии христианские фундаменталисты совершают пере-

ворот и радикально меняют общественную систему. Вводится тотальная цензура, закрываются газеты, женщины лишаются права на собственность и работу. В Республике Галаад, само название которой отсылает читателей к Ветхому Завету, все граждане оказываются разделены на классы, каждый из которых выполняет строго определенную роль. Образ дистопического Галаада во многом был вдохновлен историей США. Английские пуритане, хлынувшие в Новый Свет, не только спасались от преследований на родине, но и желали создать свое собственное теократическое государство, в котором не допускалось бы религиозное инакомыслие [Atwood 2012].

В одном из интервью Этвуд отмечала, что детали общественного устройства в ее романе «подсмотрены» у современных государств и политических режимов. Так, например, в Афганистане власть ограничивает социализацию женщин, а одержимость правительства Галаада проблемой рождаемости напоминает демографическую политику генерального секретаря ЦК Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску [Neuman: 859].

Активное включение в повествование элементов реальной действительности дает возможность Этвуд определить жанр романа как «литература о возможном будущем» (speculative fiction). В интервью британской газете

The Guardian, опубликованном в 2005 г., она подчеркивает принципиальное отличие романа от привычной фантастики:

«Для меня научная фантастика – это книги, в которых есть что-то, что мы пока не можем сделать. Например, попасть в другой мир через “крятовую нору”. Спекулятивная фантастика же описывает реально существующее на планете Земля: ДНК-идентификацию, кредитные карты. Изменяются только условия» [Atwood 2005].

Этвуд даже предлагает собственный неологизм “ustopia”: контаминация утопии (utopia) и дистопии (dystopia) показывает неразрывность благого и дурного как онтологических элементов утопии и дистопии. Кужницки уделяет вопросам жанра и его рецепции значительное внимание: его интересует и то, как на выбор жанровой формы влияют интенции и этические установки автора, и то, каков читательский отклик на дистопию.

Монография “Margaret Atwood’s Dystopian Fiction: Fire is Being Eaten” содержит шесть глав, в которых анализируются четыре наиболее известных романа Маргарет Этвуд: «Рассказ служанки» (1985), «Орикс и коростель» (2003), «Год потопа» (2009) и «MaddAddam» (2013)¹. Что касается романа “The Heart Goes Last” (2015), то он намеренно не был вклю-

¹ На данный момент роман “MaddAddam” не переведен на русский язык.

чен в текст монографии по двум причинам. Во-первых, он получил достаточно низкую оценку критиков по сравнению с остальными работами Этвуд, а во-вторых, роман напоминает скорее не дистопию, а пародию на нее, уходя от привычных этических дилемм к описанию забавных событий и ситуаций.

Посредством контекстуального анализа автор старается определить истоки интереса Этвуд к экологии, религии и феминизму, а также показать, как ее творчество вписывается в культурную парадигму, каковы его истоки и как оно связано с эпохой.

В этой связи следует отметить, что контекстуальный метод – и это подчеркивает сам С. Кужниcki – тесно связан с понятием “wordliness”, которое было предложено Э. Саидом, палестино-американским теоретиком литературы, внесшим значительный вклад в развитие постколониальной критики.

В работе «Мир, текст и критика» (“The World, the Text, and the Critic”) он пишет:

«Я считаю, что тексты являются как бы частью нашего мира, они в какой-то степени события, и, даже если кажется, будто они сами это отрицают, – часть социального мира, жизни человека и, конечно, исторического момента, в котором они локализованы и подвергаются интерпретации» [Said: 4].

Отсюда возникает идея о писателе, который не просто развлекает читателя, а являет-

ся интеллектуалом, чей долг перед человечеством состоит в том, чтобы помочь униженным и подвергшимся репрессиям обрести свой голос и стать, наконец, услышанными [Kuźnicki: 7].

Как представляется, Маргарет Этвуд как нельзя лучше подтверждает эту мысль. Пристальное внимание к проблемам научного прогресса, феминизма, религии и экологии выдает в Маргарет Этвуд автора, который убежден: «Если книги не могут спасти мир, то ничему другому это тем более не под силу» [Rigney: 16].

Утопические исследования, таким образом, по-прежнему остаются актуальной сферой разработки теоретического инструментария как для работы с конкретными текстами, так и для глобальных исследований моно- и междисциплинарного плана.

Литература

Воробьева, А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... док. филол. наук. Самар. гос. акад. культуры и искусств. Самара, 2009.

Мартынова, Е.А. Лингвостилистические средства репрезентации политических реалий в тексте англоязычных антиутопий: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2013.

Шадурский, М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой по-

этики и семиосферы. Обретение острова. Москва: Издательство ЛКИ, 2007.

Шишкина, С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. № 2. 2007. С. 199–208.

Armstrong, J.K. (25 Apr 2018). Why The Handmaid's Tale is so relevant today. *BBC*. Retrieved from: <http://www.bbc.com/culture/story/20180425-why-the-handmaids-tale...> (date of access: 11.08.2018).

Atwood, M. (17 Jun 2005). Aliens have taken places of angels. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/film/2005/jun/17/sciencefiction...> (date of access: 11.08.2018)

Atwood, M. (20 Jan 2012). Haunted by The Handmaid's Tale. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2012/jan/20/handmaids-tale...> (date of access: 11.08.2-18)

Clayes, G. (2017). *Dystopia. A natural history*. Oxford: Oxford University Press.

Firchow, P.E. (2011). *Modern utopian fictions from H.G. Wells to Iris Murdoch*. Washington: The Catholic University of America Press.

Green, G. (1986). Choice of evils. *The Women's Review of Books*, 3(10), 14–15.

Kuźnicki, S. (2017). Margaret Atwood's dystopian fiction: fire is being eaten. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Lawler, K. (25 Apr 2017). Hulu's "The Handmaid's Tale" can't escape politics. *USA Today*.

Retrieved from: <https://www.usatoday.com/story...> (date of access: 11.08.2018).

Max, P.J., Negley, G.R., (1968). A definition of utopia. In W. Nelson (Ed.), *Twentieth Century Interpretations of Utopia*. Prentice Hall, Inc.

Mee, J. (2004). Millenarian visions and utopian speculations. In M. Fitzpatrick (Ed.), *The Enlightenment World (Routledge Worlds)*. London; New York: Routledge, 536–551.

Neuman, S. (2006). "Just a backlash": Margaret Atwood, feminism, and The Handmaid's Tale. *University of Toronto Quarterly*, 75 (3), 857–868.

Rigney, B.H. (1987). *Women writers: Margaret Atwood*. London: Macmillan Education.

Said, E.W. (1983). *The world, the text, and the critic*. Cambridge: Harvard University Press.

References

Armstrong, J.K. (25 Apr 2018). Why The Handmaid's Tale is so relevant today. *BBC*. Retrieved from: <http://www.bbc.com/culture/story/20180425-why-the-handmaids-tale...> (date of access: 11.08.2018).

Atwood, M. (17 Jun 2005). Aliens have taken places of angels. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/film/2005/jun/17/sciencefiction...> (date of access: 11.08.2018)

Atwood, M. (20 Jan 2012). Haunted by The Handmaid's Tale. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2012/jan/20/handmaids-tale...> (date of access: 11.08.2-18)

Clayes, G. (2017). *Dystopia. A natural history*. Oxford: Oxford University Press.

Firchow, P.E. (2011). *Modern utopian fictions from H.G. Wells to Iris Murdoch*. Washington: The Catholic University of America Press.

Green, G. (1986). Choice of evils. *The Women's Review of Books*, 3(10), 14–15.

Kuźnicki, S. (2017). Margaret Atwood's dystopian fiction: fire is being eaten. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Lawler, K. (25 Apr 2017). Hulu's "The Handmaid's Tale" can't escape politics. *USA Today*. Retrieved from: <https://www.usatoday.com/story...> (date of access: 11.08.2018).

Max, P.J., Negley, G.R., (1968). A definition of utopia. In W. Nelson (Ed.), *Twentieth Century Interpretations of Utopia*. Prentice Hall, Inc.

Martynova, E.A. (2013). *Lingvostilisticheskie sredstva reprezentacii politicheskikh realij v tekste anglojazychnyh antiutopij* [Linguostylistic means of political realia representation in English dystopias] (Ph.D. Thesis, Voronezh, Voronezh State University).

Mee, J. (2004). Millenarian visions and utopian speculations. In M. Fitzpatrick (Ed.), *The En-*

lightenment World (Routledge Worlds). London; New York: Routledge, 536–551.

Neuman, S. (2006). "Just a backlash": Margaret Atwood, feminism, and *The Handmaid's Tale*. *University of Toronto Quarterly*, 75 (3), 857–868.

Rigney, B.H. (1987). *Women writers: Margaret Atwood*. London: Macmillan Education.

Said, E.W. (1983). *The world, the text, and the critic*. Cambridge: Harvard University Press.

Shadurskij, M.I. (2007). *Literaturnaja utopija ot Mora do Haksli: Problemy zhanrovoj poetiki i semiosfery. Obretenie ostrova*. [Literary utopia from More to Huxley: genre poetics and semiosphere issues. The island is attained]. Moscow: Izdatel'stvo LKI.

Shishkina, S.G. (2007). Literaturnaja antiutopija: k voprosu o granicah zhanra [Literary dystopia: to the issue of genre borders]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGHTU*, 2, 199–208.

Vorob'yeva, A.N. (2009). *Russkaya antiutopiya XX – nachala XXI vekov v kontekste mirovoy antiutopii* [Russian dystopia of XX – beginning of XXI century in the context of the world dystopia]. (PhD Thesis, Samara, Samara State Academy of Culture and Arts).

NEW BOOKS ON DYSTOPIA

Anna A. Bondareva, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: bondareva-anna@yandex.ru.

Abstract. The review covers three monographs, devoted to literary dystopia: Clayes, G. *Dystopia. A Natural History* (2017); Firchow, P.E. *Modern Utopian Fictions from H.G. Wells to Iris Murdoch* (2011); Kuźnicki, Sł. *Margaret Atwood's Dystopian Fiction: Fire is Being Eaten* (2017). In the article the main ideas of the authors are being analyzed, along with their approach to dystopian genre in general and interpretation of particular literary works. Particular attention is being paid to links between dystopian societies and totalitarian regimes of the XXth century. The review is preceded by the brief analysis of the origins of dystopian genre and the description of the main reasons of its active development in the end of the XIXth – beginning of the XXIst century.

Key words: utopia, dystopia, literary genre, totalitarianism. Gregory Clayes, Peter Edgerly Firchow, Sławomir Kuźnicki.

